

ГАЛИНА ШЕКИНА
СОННОЕ ЦАРСТВО

ГАЛИНА ШЕКИНА
СОЛНЦЕ ЦАРСТВО

ВОЛГОДА * 2013

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Щ 38

Литературно-художественное издание

Щекина Галина Александровна. **СОННОЕ ЦАРСТВО**: книга стихов. – Вологда: Издательство «Печатика», 2013. – 56 с. Тираж 200 экз.

Галина Щекина родилась в 1952 году в Воронеже, там закончила университет. В Вологде с 1979 года, начала писать в 1985-м. Прозаик, критик, поэт, член Союза российских писателей с 1996 года. Автор книг «Графоманка», «Ор», «Тебе всё можно», трёх детских книг о Басе, стихотворных книг «Горящая рукопись», «Чудовищный цветок», «Когда ты приходишь», «Астрофиллит».

ISBN 978-5-902579-58-8

- © Галина Щекина, текст,
- © Регина Соболева, макет,
- © Вадим Субботин (vsdancephoto.com),
фото на обложке,
- © FUNdbBÜRO, другие фото.

СОМНЫЙ БЕРЕГ

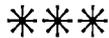

***

Сонный берег, сонный ппёс
то ли спишь, а то ли чудо:
из-под тучи, наискось –
люди с крыльями, откуда?

***

Ветер стих, на вечер глядя,
солнце носом молча гладит
от затылка к руслам рук.
Что ж отстала от подруг?
Морщит грудь под чёрной майкой
правда – баховская чайка,
не отбейся по пути,
это я звала, прости.

Оглянулась – взгляд насквозь,
точно лёд, зеленоватый:
обрети и снова брось,
ты ничем не виновата.

«Слишком хочется» – скажи,
но опять острее жажда,
и, взхлёб пытаясь жить,
будешь выпита однажды.

Вывинтив, как вызов, талию,
ощутишь слепую связь:
лежа по горизонтали
вертикалью возносясь.

Во сне я стану другой,
и впредь туда ни ногой:
где смотрят прямо в глаза,
да только верить нельзя.
Стена. Золотится лук,
всё рядом, хватает рук.
С огня сбежит молоко –
с тобой простятся легко.
И ты молчи не молчи –
торшер золотой в ночи,
то кресло накроет плед,
как будто тебя и нет.
Но всё это не по мне –
пейзаж сосновый в окне,
блужданье в старой вине,
в глубоком зелёном сне.
Я там давно не живу,
теперь вздохну наяву –
и впредь туда ни ногой,
настолько стала другой.

Приснится лодка добрая, как грудь,
которая на гладь морскую ляжет,
вздохнёт и даже долгий синий путь
не будет трудным. И ещё поклажи
добавит море, счастья рыбаку –
большую сеть хвостами бьющей рыбы.
Охватит страх до колотья в боку,
когда вода взлетит и встанет дыбом.
Скорее выпутать и выбросить волнам
одну из них, сияющую златом,
иначе лодка, серебром живым полна,
перевернётся в море на закате...
Но позади волнение и жуть,
и снова лаской дышат волны
на берегу-то ждут, костры наверно жгут
и поцелуй, который жгуч и солон.

Засыпаю в огнях –
что за ёлка попалась такая
ощетинилась – страх –
разобрать не пускает.
Засыпаю без слов –
все они как хвоя устарели,
драгоценный улов новых снов –
огнедышащие акварели.
Наливается синь
от сверчков многоточьем,
золотым блеском вин
утешает заждавшихся ночи.
Опрокинет рассвет
в золотое чуток киновари,
растворенную дверь
потревожит мой старый товарищ.
Где зелёный твой скит,
несогласное дерево-диво?
Славно ёлка горит,
торжествующе и горделиво.
Не гаси, не гаси
переливчатой радуги света
видишь свечка висит –
отрастает у ёлочки ветка.

***

Сон валит с ног,
но человек из сна
убить меня не смог,
и я с тобой честна.

Во сне была смелей,
чем тут, вблизи огня.
Попробуй одолей
не сонную меня.

Не вишнёвый пожар георгин,
Не календул летят светляки.
Говорят тебе – смолкни и сгинь,
Далеки мы теперь, далеки.

Накренён облепиховый ствол,
Руки яблонь заломлены вниз.
Пусть туман заблуждений прошёл,
Невозможное, снами вернись.

А когда прогорит этот ад,
И завянет обид вихревая метель,
Надо мной зашумит листопад,
Расстилая златую постель.

Земля как я: собрали всё, ушли,
а я осталась ночевать под снегом,
и надо мною облаков набеге,
и солнце в угасающей дали.

Земля как я – вот холод и покой,
и замолкают топоты и стоны,
а я, раскинув тело многотонное,
не шевельну немеющей рукой.

И тишина устойчиво длинна,
и думе удивлённой нет помехи.
Угадываю оды, годы, вехи
недвижной бесконечности без сна.

Ты избалована теплом,
Тебя все ищут... Поделом
Досталось мне, провинциалке.
А неслучившегося жалко –
Наивных писем череды,
Шумящей за окном воды,
Слепящей маеты экрана –
Все слишком поздно или рано...

Ну сколько можно – маемой
у монитора плюс настой
тысячелистника и мёда
не заменить былой свободы.
Тогда казалось – счастья час
Дороже жизни, и рассказ
об этом будет очень крут,
Да полно. Этого ли ждут?

Но я сдержу невольный крик:
Ты покидаешь материк,
От сонной одури страниц –
К сиянию любимых лиц...
Смотри, оранжевая корка
На снег упала... Съехать с горки,
Вздыхнуть легко и без помех.
Пусть снег идет. Мы любим снег...

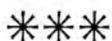
Бултых – и я плыву, и трав речных гряда,
во сне ли, наяву – неведомо куда.
Так голуба вода прозрачнее стекла,
и в ней мальков стада, но я-то как сюда?
Ни тени надо мной, ни звуков, ни ветров,
и мне не страшен зной, не нужен даже кров.
Касание воды и капли на виске,
и никакой беды, и счастье вдалеке.
О чём тогда печаль, которая легка
начало из начал, всё впереди пока.
И потому вода синее всех озер,
тепло, и не поднять на небо робкий взор.
Пока не подан знак, медлительно-честна,
и мир блаженно нем реальностью из сна.

СТРАШНЫЕ СНЫ

Не живёшь, а спишь, дышишь травами,
к той, что грезит, ища дорог,
и во сне идущие правы,
только смертью ты занемог.
Ты ни в чём, ни в чём, ранне-ранено,
не желаешь правды найти,
почему-чему затуманенный
взгляд уже в начале пути?
Для чего-чего светлы головы
затянул резиновый дым?
Заливай-ливай в горло олово
ты проснёшься страшным, седым.
Не родить тебя в новом стане, но –
может, глянешь все же назад –
пожди-дожди, ранне-ранено
покидать лазоревый сад.
Пробуждение будет тяжкое,
ты увидишь не райский куст,
а курящуюся затяжку
у сухих опалённых уст.

Да, её белее кожа,
Да, на двадцать лет моложе,
Да, она нежнее сможет!
Уведёт и спать уложит,
И губами сон тревожа –
На коленях перед ложем...
Всё пугающе похоже,
И пускай смуглее кожа,
Но колюч и непреложен
Страх до сумеречной дрожи:
Нет запретней и дороже
Знать её – чужую – тоже.
Страх колючий уничтожит.
Сон рассеется попозже.

Мне показалось – всё, предел,
И дальше некуда катиться,
И я, как раненая птица,
Затихла не у дел.
И тучи чёрной полоса,
И хлябь от неба ледяная,
Как дальше жить – опять не знаю,
Закрыв на всё глаза.
Он упокоился в золе,
Мой друг, покинувший когда-то,
Потом другой печальной датой
Уснуть решил в земле.
И разбудил меня испуг:
Друзья уходят, обтекают...
Пока я сонная такая,
Уйдёт последний друг.
Взрываюсь криком наяву,
Как будто на старинном вече,
Пока вы не ушли далече
Идите – вас зову.
Пусть молния слепит глаза,
И радость горечи земная,
Как жить без вас – я знать не знаю.
И вот она, гроза...

Ночью кричат старики, как перелётные птицы, –
Сколько же смертной тоски в столах прощальных
таится.

Да и куда полетят их бесприютные тени?
Где их родные места, где обжитые их стены?
Днями от плача детей нет в тесном доме
спасенья,
псы и коты всех мастей жадно сбегаются в сени.
Как перерос виноград, тянет тяжёлые плети...
Невыносима пора этого долголетия...
Если поможет – поплачь, и, домывая крылечко,
сумерки брошенных дач вспомни – расправятся
плечики.

Только погладит ладонь кошкину юркую спину.
Звякнет соседский бидон, тьмы разгоняющий тину.
Вот замолчат небеса, стихнут и старый и малый,
выпадет к утру роса, высохнет покрывало.
Снова займётся заря, день для работы и битвы.
Высохнут губы, творя тихое слово молитвы.

Она вдоль лестницы с перилами
вздыхая, движется наверх,
как птица ночи душнокрылая
всех слышит и пугает всех.
В мою заглядывая комнату,
замрёт бедой грозящий знак,
привычно всхлипывая, – помните,
со всеми вами будет так...
Вот жуть. Листва кипит под ливнями,
тьнь матери плывёт в ночи.
Не стали мать с отцом счастливыми,
довольно, мама, помолчи.
Зачем теперь твои пророчества?
Нам столько лет, как и тебе,
и кроме имени и отчества
у нас по собственной судьбе.
О, матери лицо чеканное –
волною прядь, к плечу наклон
Детьми мы были нежеланными –
едва удерживаю стон.
Но о таком не говорили мы,
не мать, а я была слепа.
Забудем лестницу с перилами,
ночами надо просто спать.
Зачем она, такая гордая,
такая стойкая в борьбе,
всё чаще поминала чёрта,
не зная жалости к себе?

Но не до сна теперь, и горькая
печаль укроет как рядном.
И по воронежским пригоркам
уходит ночь тяжёлым сном.

Кого любить, чего бояться?
Сдержан ли, выдохнуть ли стон?
Существование в изоляции
бессмысленный рождает сон.

Как ты с протянутой рукою
стоишь на радостном пиру,
отдавши всё, но нет покоя
а только мысли, что «умру».

Увидишь то, что так любимо,
но скрыто от враждебных глаз,
как поезда промчатся мимо,
последний свет в окне погас.

Как молча где-то греют ужин,
и тлеет ранняя заря.
Но ты давно забыт, не нужен,
и о тебе не говорят...

Поднимаются серые воды из вьющихся рек,
будто где-то прорван гигантский водопровод,
заливает улицы, и несколько человек
уцепились на крыше фургона, гудит завод.

Только там, за пустой и хлопающей проходной
остаются чужие, бумаги и пачки книг,
но покинуть пора и завод, и город, уже родной,
только если ты против, то намекни.

Да плыви, конечно! Эгей, такси на вокзал,
только я опять, как всегда, без вещей,
этот ужас меня преследует, но нельзя
поддаваться страху, зубами стучать, вообще.

Времена потопа – отмена дружб и долгов,
ты захочешь жизнь отдать – но её не берут,
времена потопа – отмена книг и стихов,
будь ты даже классик или просто обэриут.

Всё пропало – уже качается, уплывает вагон,
по колено в воде и я, и моя печаль,
видно, кроме светящихся во тьме берегов,
ничем меня ни утешить, ни укачать.

Нет, не бывало сумрачнее лба,
прозрачней глаз, в которых тень упрёка.
Никитин прожил жизнь ужасно одиноко
и так же умирал. Жестокая судьба
окончилась. Вот тут стоял диван.
В убранстве кабинета простота,
особая монашья чистота,
отличная от прежних оргий – пьян
хозяин кабинета не бывал.
Кружила лихорадка хуже хмеля.
О, эти сумасшедшие качели
от радости к отчаянью обвал.
Но глядя на старинной лампы свет,
писал поэт любимой – тон прощанья
смягчался торопливым обещаьем
возможной встречи. И летел ответ...
Никитин, невозможный человек,
он до сих пор терзать способен душу,
и нежных обещаний не нарушив,
любовью светится из-под закрытых век.

Последнее письмо осталось без ответа,
сердиты были оба, я и ты,
но травы косит дождь, и на расцвете лета
держат над гробом нам приходится зонты.

То гром, то солнце – всё покажется нелепо,
что так взрывает гневом небеса,
а ты в костюме замер, виновато-слепо
прикрыл навек угасшие глаза.

Последнее письмо! И нас перелистают!
Надежды нет, ползёт на озеро туман.
Над островом твоим стреляет чаек стая,
а ты опять устал и трогательно пьян.

Скажи, когда совсем ты сниться перестанешь,
Не будешь приходить и протирать очки?
Один ты воевал за душу в горьком стане
И ни «за что» любил, а «вопреки».

Чего добился ты?... И мы, ещё не веря,
считаем версты дней улыбкою во тьме.
Островитянин, ты уходишь без истерик,
оставшись навсегда в последнем том письме.

Сор и грязь, укрытые – белым,
Гулы, грохоты – тишиной,
А душа прощается с телом,
Чтобы дальше лететь одной.
И куда она приземлится,
И куда направит полёт
Божество, астральная птица –
Даже в голову не взбрeдёт.

Тишина теперь, наслажденье,
Пустота – рассеянный луч.
И не сон это, дивное бдение,
Не падение с диких круч.
Никогда не пасть, если пропасть
Позади, и не нужен взлёт,
Ни тревоги, ни страха, – лопаюсь,
Лёд позванивает о лёд.

Тело слабое не виновно,
Что оставила вдруг душа,
Улетевшая хладнокровно,
Долгий путь земной заверша.
А поэтому и не ропщет,
И под зыбкий огнистый хруст
Облегченно летит над рощей,
Избавляясь от лишних чувств.

«Уйдёшь в тот свет не волею своею,
А скорой и внезапной дорогой» –
Цыганке я конечно не поверю,
Но вздрогну и себя одерну строго...
Опасность вечных лестниц и ступеней –
Их гусеницы мерзко сокращали
Дорогу, чтобы стать ленивей тени
Постукивали, двигались – ища ли,
Куда ступить – однажды без опоры
Оказываюсь – бедная торговка
В метро свалилась сумками, в которых
Рассована вся жизнь её, неловко
Я падаю за ней – никто не ловит.
Несётся в ад московский эскалатор,
Запнувшись на одном банальном слове
Я пропадаю в темени крылатой.

Слякоть, синий силуэт
чуть качается и гаснет.
Что ж травить пустые басни?
Старой жизни больше нет.
Ярких лавок череда,
вдрызг промокшие ботинки,
мягко тают паутинки,
нас связавшие тогда.
Виноградный пью мускат,
вдруг соломинка согнётся?
Вот глоток чужого солнца –
всё, чем счастлив и богат.
Нет, всё это только сон,
расставанье и разлука.
Ты же рядом. Перезвон
новогодний. Дай же руку.

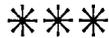
Притворись, что пишешь, не зачёркивай...
и как будто разгорелась печь!
Постарайся в этой старой норке
на лежанке просто так прилечь.
Кирпичи твою зациплют кожу,
как живые, щёлкая теплом,
ну и ты потом оттаешь тоже,
посветлеешь духом и челом.
И пускай пока что непонятны
и слова и чувства, как навзрыд.
Спи да спи – усталость многократная
вдруг уйдёт, тебя освободит.
Ты опомнишься такую лёгкою,
и ни хворей нету, ни обид.
Только море шалое, далёкое,
на груди косынку теребит.
И печёт, печёт невероятное
солнце, чтобы душу полечить,
разогреть, как старые и верные
в деревенском доме кирпичи.

Не плачь – испуганною птицей
летать устанешь у земли,
а он с поломаной ключицей
в блаженном сне тебе приснится...
А сон нейдёт, хоть глаз коли.
А то смотри, опять погода
в слезах утопит невзначай,
все вешние ледяные воды
обрушит в наши огороды,
весь год в январь перекачав.
Не плачь же, не переупрямить
души, разгневанной огнём,
он рвётся вдаль, а в мыслях с нами.
Не жди покоя с пацанами,
а всё от дикой жажды в нём.
Не плачь – в любви и лишение
пускай оглохнем, но прозрим
сквозь дебри путаных сомнений
то наивысшее знаменье
которое «и крым и рим».
Не плачь же – бисером и звоном
давно промокли небеса.
Когда в груди стихают стоны,
в далёке дерзком законном
поют знакомо голоса.
И сну конец, и страху тоже.
Хоть отраженье жизни он.
Проснёшься робко, и, быть может,
поймёшь, о чём приснился сон.

Я телефон, меня оставили
на столике под старым деревом.
Нет света в домике за ставнями,
и люди далеко – я верил им.
Молчать не в силах, тресну трелями –
во тьму летят сигналы вызова
и в Крым, и в сторону Карелии.
В ответ молчок, и только снизу я
услышу злобное рычание –
соседкин пёс в недоумении.
И наступает вдруг отчаянье
и ощущение измены.
Светляк зелёный монитора
водой слезится дождевою,
но вот и он погаснет скоро
под грохотанье грозное.

Кто куда тебя в какие ряды не занёс,
в иерархии не отметил?
А задать бы себе лишь один вопрос –
мрачен мир твой или же светел?

Посмотри, насколько в небе темно,
да, в столице опять разгоняют слякоть,
и стоишь ты, распятый на все окно,
и орать тебе хочется, а не плакать.

Вот сегодня судьбой опять обойдён,
и роман провалился в нетях.
Приговор в исполнение, только он
полыхает заревом на планете.

И потянет снова чёрная та река,
у которой названия нету,
жизнь окажется зряшной, данною на пока,
на надежду наложено вето.

Наконец, всё застынет насмерть внутри.
Сам себе ты памятник, а, братишка?
И хотя на лужах мыльные музыри
ты вздохнёшь – а что, это тоже фишка.

Я сплю и вижу – полон зал людей,
одетых с шиком, многие – простые...
Дрожу, на грудь кладу кресты я –
святые, вы не бросите в беде,
мне выйти надо к ним, держать ответ
за всё, что в книгах толстых написала,
нечитанных, но мне всё мало, мало
попыток удивить весь белый свет.
Уже волнами ходит бархатная ткань,
которая от зала отделяет,
и накрывает мыслей гадких стая,
родной же голос шепчет – перестань!
Ты для себя теперь судья сама,
молчи про искушение, победу,
поймут лишь те, кто горечи изведал!
А дальше только шум и кутерьма,
прибой аплодисментов всё сильней,
а я, со сцены медленно взлетая,
плыву над залом нехотя и таю
в тиши ночной, почти сливаясь с ней.

СТИХИ ИЗ СНОВ

ГДЕ ОНА

Где моя родина? – Вьюга
мимо шлагбаума, дом с огоньком,
там, где вдоль рельсов подруга
ходит с железным совком.
Там не во сне проживаю
тяжесть литых стародавних сапог
с мужем путейцем, у речки на сваях
тазик с бельем, да собака у ног.
Где моя родина? Ели
вряд ли покроют зелёной хвоей,
то ли топор и пила одолели –
лес уже больше не мой.
Грубая жизнь не во сне ли,
ею в глуши пропитавшись до пор,
не разгибаюсь и то сквозь метели –
вижу небесный простор.

Где моя родина? – Полной
ночь осветилась огромной луной.
Сладки жердели, а слёзы-то солонь
девочке слепо и скучно одной –
и у шелковицы и водокачки,
в розовых мальвах, на глади воды...
Бабушкин сад, вверх ступеньки, не пачкаться
крыша железная, фруктов ряды...
Где моя родина? Чьи это руки
молча качали, баюкали сны.
Света не видели очи в разлуке,

песни чужие медово-грустны.
Южные песни, жердели –
пряный и нежный от них аромат.
Тёмные ночи давно поредели,
свет проливая во взгляд.
Где моя родина? Мовы
звуки певучи, чтоб слышать острее
тайну единственно верного слова,
тьму как огонь фонарей.
Люди глаза мне открыли,
вряд ли найдутся родней.
Дрогни, душа моя, хлопали крылья –
песен предчувствие в ней.

Где моя родина? Пусто!
Лиц даже памяти нету следа,
только одно ликование чувства
перенесет нас туда –
В прошлом распустятся липы,
как на дрожжах, и любовь, и сады,
полно, от счастья не всхлипывай,
так оно давит поддых.
Родина там, где случилось
выйти, расцвести, потрясенно понять:
это такая мне выпала милость,
так испытали меня.
Просто невольно и плавно,
тая в слепом серебристом дожде,
взор поднимаю на небо – на главное –
родина там и везде.

Кабы я была пижмой-травой,
То качала бы век головой
И в полынном с колючками рву
Всё терпела бы, как меня рвут,
И охапкой в подолах несут,
И молчат про такую косу,
Что скосила небывших малых –
И жалела бы их.

Кабы вышла крапивой в кустах,
То росла бы на зависть и страх
И зеленым огнём обжигала,
Если выпало мало.
Но от тех, кому не повезло,
Отклонялась легко бы, незло,
И рукам – не серпу и не вилам –
Отдала бы всю силу.

Кабы стала травой мелиссой,
Зацвела бы крупинами рисово,
В тонких стеблях хранила бы дух,
Что подымет бессильных-то многих, не двух.
А чаёвничать просто и сладко,
Только в чём же загадка?
От чего, подышав ароматом
От мелиссы – легко и крылато?

Плывут мистические тени
в волнистом сумраке киношном,
и я во сне кажусь растением,
надеяться на что-то можно...
Авось тепла ещё немного
на стебли гибкие прольётся,
судить никто не будет строго,
ещё не раз согреет солнце.
И холода не перекроют
уже неровного дыханья,
над головами словно роем
огней цветное полыханье.
Во сне легко и беззащитно
волос и рук волнами гладит,
всё ароматом трав пропитано,
помедлите же, бога ради.
Чтоб не искать иного места,
цвести себе под небом юга,
прошу от горечи и мести
лишь сном травы меня баюкать.

Бьётся резина ветра -
пешим два километра
двигать в студёную рань,
чтоб собирать дань.

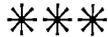
С пухлой сумы небес
пал, окропляя лес,
редкий жемчуг дождя,
память мне бередя.

Травы сонно шумят,
луга ковёр не смят,
чтобы, спускаясь в лог,
каждый потрогать мог.

То ли пасти коня,
то ли разжечь огня,
с глаз людских хоронясь,
не замечая грязь.

Как же по царски щедр
гость издалека – кедр,
поле готов обнять,
а не то что меня.

Все природа отдаст
нам и тем, после нас,
Разве же я не тать,
разве устану брать...

Дай таблеточку – что-то не спится,
Голова чересчур горяча.
На морозе свистящей синице
Не щебечется у плеча.

Как любить, отнимая чужое,
И когда оно стало чужим?
Если жизнь разрезает межою
До и после – по правде скажи?

Отвернутся устало родные,
Перекрестят и вышлют на край.
Дай таблетку, чтоб видела сны я.
Там увидимся. Не умирай

От хулы, наведенной напрасно,
От помехи и злой немоты.
И с улыбкой пронзительно ясной
Валидол под язык – вот и счастлива ты.

Нам надо найти позолоченный ключ –
он в скважину входит на треть.
Блеснёт он, похожий на луч между туч,
так ярко, что больно смотреть.

Вот бабушка выпьет «со слоником» чай,
разбавив горячим его молоком,
потом она щёлкнет ключом невзначай,
а в ящичке маленьком за уголком

Откроет задвижку, комод заскрипит,
вздохнёт, будто старый дедок.
Откроются дверцы, и радостный вид –
комод нам покажет коричневый бок.

Так вот он какой, наш старинный комод!
Таинственный сказочный дом.
Внизу там хранится лекарственный мёд:
он сладкий, янтарный, и сила великая в нём.

Внезапно я падаю в сон среди ясного дня –
наверно, энергия жизни растрочена слишком.
Ничто не спасает, ничто не питает меня,
лишь только подушка, и ветер гардину колышет.
Укроет меня сновиденья тугое крыло,
в медовые дни унесёт, где снежок тополиный,
от летнего марева щёкотно-сонно-тепло,
и прожитый час словно день и похож на былину.
Течение времени, где нет событий и дел,
смешит и ласкает касанье внезапной свободы,
и ты понимаешь – вот этого я и хотел,
несчастный ребёнок природы, не знающий броду.

Не страшно в храме. Но дитя, пленец.
Не опишу – сияние до дрожи,
ни денег власть, ни колдовских колец,
тут не помогут... Стойте тише, строже.
Смотрите, проглотившие комок –
Пилоны, своды – всё настолько пусто.
Но ангел в арке солнечной продрог.
Кому же он подвластен, златоустый?
Двоится образ – и глаза, рука
от ладанного марева струятся,
одна улыбка есть наверняка,
И разрешение, как может показаться...
У этих фресок, где стою сейчас,
увидела его, и мигом – взор под ноги –
да, я молилась, но в который раз
уйти пришлось по сумрачной дороге.

Чистейшему открыто, но не мне
воспрянуть, видя отсвет на стене.

Во сне я будто бы в компании,
где спутник ласков и усмешлив,
я вроде счастлива, но если б
не та, с кем приходил он ранее.
Так остроумна, ослепительна,
что вдруг немеет мой язык,
и уменьшается в разы
вся радость, сравнивать мучительно.
Напитки, хрустали салатные
плывут одним цветным пятном.
Ну, как не думать об одном,
что абсолютно всем понятно?
Весёлая она и центр всего,
и сигареты курит мятные.
Я что-то бормочу невнятно –
зачем же так, мой дорогой?
Балкон – известный утешитель,
прохладный ветер мне в лицо.
Вот обручальное кольцо,
вот спутник мой, его даритель.
А дама блеск, такие редки,
но у меня иная роль,
ты только мне уйти позволь
от снисходительной соседки.

Спит крутолобый солдат,
бритый как есть новобранец,
и отпечатан уже навсегда
в нём ультра-имперский глянец.
Только бы встал с той ноги
шустро и не из-под палки...
Мамкины снятся ему пироги,
девочки-неформалки.

Спит в общежитской глуши
девочка-неформалка,
рыжие кудри её до чего хороши,
рядом кроватка-качалка.
Тут продолженье любви.
Что ж, нагуляла сыночка.
Снится солдатик, но как ни зови,
будет поставлена точка.

Старая сталинка, предки во сне
видят своё продолженье,
речка и дачка цветут по весне,
страшное притяжение.
Как бы хотелось простого тепла
дать им сполна на прощанье,
только бы жизнь не напрасно текла,
не сорвались обещания.

Жидкий огонь скоро хлынет из горла
винных кувшинов... и воздух дрожит.
Кабы ты зелья хлебнула, то стёрла б
грань между явью и сном. У межи
Буйной травы и дороги прибитой
Сотнями ног, батогов и колёс,
Надо бы остановиться. Копыта
Мимо процокают. Страшно, всерьёз.
Что за внезапное столпотворение
Песенный ход и разгул?
Лодки горящие – мавки накрелят,
Стонут ли на берегу.
Простоволосая, рожь рассекая,
Будет до света по полю бежать.
Словит в потёмках ручища мужская,
Дрогнет невеста, как ландыш свежа.
Вечность не могут натешиться милые –
В тёмных лугах им простор.
Через костёр полетят что есть силы,
Не приземлясь до сих пор.

Свет ночной на Ивана Купалу
Душу тянет из дома во тьму,
бархатистую теплую. Но никому
не признаешься. В искорке алой,
что в бегучем вьюне приковало?
Знать запретное – вот она, страсть.
Лишь бы насмерть теперь не упасть
Пред огромным сметающим валом.
Перебить, пересилить, навстречу
неизвестному резко шагнуть –
и увидишь светящийся путь
к древнимкладам, тоске не переча.
Пусть дыхание в горле займётся,
и счастливым слезам нет конца,
а улыбка не сходит с лица.
И луна как царевна в колодце.

Мне часто снились в детстве паруса,
которых среди будней не хватало,
и через луг, где выпала роса,
бежит девчонка, чтоб увидеть алое.

Потом мне снились паруса как снег,
надутые ветрами и надеждой,
они всегда напоминали мне,
что счастье впереди, как прежде.

Не так уж много в юности тревог,
но позже горизонт затянет мраком,
и чёрный парус тоже мне помог,
когда во сне качался, это было знаком.

Куда теперь девались корабли
из детских снов, где паруса летали
нет сил таких, которые смогли б
перенести меня в те гриновские дали.

Как не прожить без вод зелёно-синих,
в прожилках ломких солнечного света
от берега до горней слабой линии,
как притягательно и как же просто это.
Как не забыть изломы волн родимых,
где вокруг монастыря всё так разбито,
и хрупкую подтаявшую льдину,
озёрное дыхание сердитое.
Как чёрная вода в студёной лунке,
куда глядеть, покорно ждать ответа,
и вертикально вытинушись в струнку,
терпению учится душа поэта.

Так где угодно пробиваться будет
всё то, что не взошло на почве жёсткой –
сердечных нитей вязь и на смех людям –
будь то вода, бумага, снег, извёстка...

Боже, четыре утра, но соседу вверху нет покоя:
пробует петь, только голос взлетел и сорвался.
Качка банкета, идёт грохотанье такое –
рёв усилителей, смесь рокабилли и вальса.

Добрые люди, соседи мои, просыпайтесь,
чтоб разделить это бдение вместе со мною.
Молча гуляю в сети по заброшенным сайтам,
молча смеюсь и кляню неустройство земное.

Если усну – то наверно, надумана драма,
даже злодея простить обнаружишь причину,
даже бессонная ночь – это вид неизбежного спама,
сборной союза хиты, чья-то женщина,
чей-то мужчина.

Стоило мне захотеть и вдохнула забвение сада –
сыпались белые хлопья на грудь и ладони,
веяло веток и нежной и острой прохладой,
яблони лепет и шум, и её утешенье бездонно.

Дунуло светом, и залило сад щебетаньем.
Я тот искристый напиток пила, оживала.
Слабая музыка, сном поманив, перестанет,
сколько ни прячясь в тугих лепестках одеяла.

Проснуться, выйти в сад,
Не думая о хлебе,
Пока кругом лежат
Лишь бархатные тени
Растений, а на небе

Шитьём небесных швей
Лоскутья ткани белой
Плывут, и ветер вей.
Хрустальный соловей –
Рассыпья трелью смелой!

Ряды узорных крыш
Сбегают вниз потоком.
Одной не одиноко.
Кругом такая тишь
Под божьим светлым оком!

Не воздух, благодать –
Настойка на сирени –
От гроздьев ветви кренит.
Всё хочется вобрать,
Насколько хватит зрения.

Всё это станет днём
И ляжет под ресницы,
Цветы, дома и лица –
Всё это станет сном,
Чтоб долго-долго сниться.

СОДЕРЖАНИЕ

СОННЫЙ БЕРЕГ

«Сонный берег, сонный плёс...»	5
«Ветер стих, на вечер глядя...»	5
«Оглянулась – взгляд насквозь...»	6
«Во сне я стану другой...»	7
«Приснится лодка добрая, как грудь...»	8
«Засыпаю в огнях...»	9
«Сон валит с ног...»	10
«Не вишнёвый пожар георгин...»	11
«Земля как я: собрали все, ушли...»	12
«Ты избалована теплом...»	13
«Бултых – и я плыву, и трав речных гряда...»	14

СТРАШНЫЕ СНЫ

«Не живёшь, а спишь, дышишь травами...»	17
«Да, её белее кожа...»	18
«Мне показалось – всё, предел...»	19
«Ночью кричат старики, как перелётные птицы...»	20
«Она вдоль лестницы с перилами...»	21
«Кого любить, чего бояться?...»	23
«Поднимаются серые воды из вьющихся рек...»	24
«Нет, не бывало сумрачнее лба...»	25
«Последнее письмо осталось без ответа...»	26
«Сор и грязь, укрытые – белым...»	27

«Уйдёшь в тот свет не волею своею...»	28
«Слякоть синий силуэт...»	29
«Притворись, что пишешь, не зачёркивай...»	30
«Не плачь – испуганною птицей...»	31
«Я телефон, меня оставили...»	32
«Кто куда тебя в какие ряды не занёс...»	33
«Я сплю и вижу – полон зал людей...»	34

СТИХИ ИЗ СНОВ

Где она	37
«Кабы я была пижмой-травой...»	39
«Плывут мистические тени...»	40
«Бьётся резина ветра...»	41
«Дай таблеточку – что-то не спится...»	42
«Нам надо найти позолоченный ключ...»	43
«Внезапно я падаю в сон среди ясного дня...»	44
«Не страшно в храме. Но дитя, птенец...»	45
«Во сне я будто бы в компании...»	46
«Спит крутолобый солдат...»	47
«Жидкий огонь скоро хлынет из горла...»	48
«Свет ночной на Ивана Купалу...»	49
«Мне часто снились в детстве паруса...»	50
«Как не прожить без вод зелёно-синих...»	51
«Боже, четыре утра, но соседу вверху нет покоя...»	52
«Проснуться, выйти в сад...»	53

Литературно-художественное издание

Галина Щекина

СОННОЕ ЦАРСТВО

Макет – Регина Соболева
Фото на обложке – Вадим Субботин
vsdancephoto.com
Другие фото – FUNdbBÜRO

Издательство «Печатика»
160000, г.Вологда, ул. Козленская, 35, оф.18
Тел.: (8172) 71-08-58, 71-01-38, 72-31-05
E-mail: pechatica@yandex.ru
www.pechatica.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «Вологодская типография»

Галина Щекина родилась в 1952 году в Воронеже, там закончила университет. В Вологде с 1979 года. Начала писать в 1985 году. Прозаик, критик, поэт, член Союза российских писателей с 1996 года. Автор книг «Графоманка», «Ор», «Тебе всё можно», трех детских книг о Басе, стихотворных книг «Горящая рукопись», «Чудовищный цветок», «Когда ты приходишь», «Астрофиллит».

